

Мрибцна младага журналіста

№3(65)

март

2006

Приложение к газете Московской консерватории «Российский музыкант»

ДНЕВНИКИ ШОПЕНА НА СОВРЕМЕННЫЙ ЛАД

Первую половину октября меломаны и просто любители фортепианной музыки пребывали в нетерпеливом ожидании — в Москве появились афиши, гласившие: «Андрей Гаврилов играет все ноктюрны Шопена». Далее мелким шрифтом: «концерт организован фондом М.Горбачева в пользу детей, больных лейкозом». В рекламе чувствовался отголосок западного метода привлечения зрителя: подобный заголовок мог заинтриговать как музыканта-профессионала, так и человека, далекого от искусства, но почувшего необычность задумки. И действительно, не каждый день, а точнее, даже не каждые десять лет, публике предлагается столь редкая программа.

Когда настала указанная дата концерта, Большой зал был заполнен до отказа. Публика собралась на удивление расношерстная: партер занимали дамы в декольте и дорогих украшениях, мужчины в дорогих костюмах, солидная интеллигенция, музыкальная профессура; на балконах расположились — кто сидя, кто стоя — злые меломаны, преподаватели музыкальных учебных заведений и множество студентов. Все они

ожидали интересного вечера.

Однако музыка начала звучать далеко не сразу. Первым на сцену после ведущего собственной персоной пожаловал М.С.Горбачев с дочерью. Пафос его пространной речи, которую даже пытались глушить аплодисментами, заключался в том, что он рад приветствовать Гаврилова, ныне редкого гостя в России, и солидарен с ним в желании помогать детям. Затем, попеременно с дочерью, он крепко обнимал, дружески похлопывая по спине, появившегося пианиста. Короткая вступительная речь самого Андрея Гаврилова, как оказалось, была действительно необходима. Он объявил притихшей публике, что будет «просто играть *жизнь Шопена*». Музыканты в зале насторожились...

С первыми звуками стало понятно, что пианист в совершенстве владеет филигранным шопеновским стилем: тишайшее, нежнейшее *piano*, блестящие россыпи мелких украшений и пассажей, впечатляющее *rubato*. Но вместе с тем на каждом

шагу слушателя ждали непривычные сюрпризы. Создавалось впечатление, что Гаврилов не играет, а *наигрывает*, часто относясь к авторскому тексту без должного уважения,

проглатывая и переиначивая детали. Ему ничего не стоило в одном месте безукоризненно исполнить сложное украшение, а в следующий раз неряшливо отмахнуться от него, как от чего-то ненужного и бесполезного. Но в целом первое отделение прошло в интимном строе и без «внештатных» ситуаций, хотя и этого хватило, чтобы заставить музыкан-

тов в антракте недоумевающее переглядываться. Были и такие, кто ушел.

Возможно, эти последние поступили правильно, потому что второе отделение — с поздними ноктюрнами — люди, воспитанные на классической интерпретации сочинений Шопена, слушать без содрогания сердца просто не могли. В избранный манере А.Гаврилов продолжал вести слушателя по дорогам жизни композитора, но *дороги* эти становились все драматичнее, а исполнение, соответственно, все импозантнее и нестандартнее. Пианист по наитию, ему одному ведомому, расставлял неожиданные акценты в мелодиях, внезапно начинал откровенно свинговать, притоптывая ногой, выпускал из-под пальцев тихие вихри «косматых пассажей» и выделял еще много странных вещей, которые приводили в молчаливое недоумение знатоков и любителей. Нарядный партер реагировал гораздо спокойнее.

Когда отзвучал финальный аккорд последнего ноктюрна, в зале во-

царилась тишина. Но уже через несколько секунд раздался гул аплодисментов и крики браво. В основном из партера. Большая часть балкона безмолвствовала... Не потому, что *так* они хотели высказать исполнителю свое одобрение, но просто не надолго задумались и затем исправно присоединились к аплодирующим.

Концерт дал много пищи для размышлений. Что это было: небрежно сыгранная программа или новый современный взгляд на Шопена? Вроде бы халтуры быть не могло — Гаврилов всемирно признанный музыкант, а *не те ноты* регулярно хватал, как известно, и Горовиц. А если это новый взгляд, то может ли он быть таким странным? Или есть предел, за который лучше не выходить? Так может быть, гавриловская манера исполнения — не *старательно выигрывать* текст (как учат студентов в консерватории, что согласитесь, слушать часто просто скучно), а как бы *наигрывать* в тесном кругу близких друзей — и есть новый способ «оживить» музыкальные дневники Шопена?

Наталья Сурнина,
студентка IV курса

1 декабря завершился международный конкурс скрипачей им. Паганини. На закрытии, которое прошло в Большом зале консерватории, выступали и члены жюри, и участники. Лауреатов в этом году было целых пять — Иван Почекин (Москва, I премия), Сергей Догадин (Санкт-Петербург, I премия), Даниил Австрих (Германия, II премия), Мун Кенг Джин (Северная Корея, II премия), Гайк Казазян (Москва, III премия).

Г.Казазян — любимец консерваторской публики. Жюри присудило ему III премию, что представляется незаслуженно заниженной

СТАБИЛЬНОСТЬ И... ЕЩЕ РАЗ СТАБИЛЬНОСТЬ

оценкой. И дело не только в том, что именно на его выступление публика боялась опоздать — а ведь он выступал под №1 (кстати, среди этой публики почти не было пристрастных однокурсников, готовых поддержать «своего» во что бы то ни стало). Г.Казазян давно выступает на международных конкурсах, он — исполнитель со стажем. Его игру на всех трех турах отличали такие важные качества, как тонкое чувство нюансов, некая классичность игры, когда исполнитель не позволит эмоциям перехлестнуть че-

рез край. Какую бы бурю ни изображал исполнитель, музыка всегда звучала эстетично, без чрезмерного надрыва, который нередко переходит в «рвение на себе волос», а то и в фальшивые ноты. Кроме того, игру Казазяна (единственного из всех конкурсантов!) отличала стабильность — качество, которым обладают лишь высокопрофессиональные музыканты. Если по отношению ко многим можно было обсуждать вопрос, на каком туре исполнитель выступил сильнее или слабее, то здесь этот вопрос не возникал.

Программа всех трех туров была сыграна на одинаково высоком уровне — и по выстроенности произведения, и по технической безупречности, и по звуку. Все эти качества Г.Казазян еще раз продемонстрировал на закрытии конкурса, исполнив 24 каприс Паганини.

Концерт завершился выступлением Сергея Стадлера, председателя жюри. Он исполнил Первый концерт Паганини. Произведение это, крайне сложное по технике, было сыграно блестяще, но за технической стороной исчезла сама му-

зыка — концерт превратился в один большой этюд. Это тем более жаль, что в руках С.Стадлера была скрипка, на которой играл когда-то Паганини. Все игралось на форте, без нюансов, что сильно ударило по кантиленным разделам: мелодическая линия дробилась на отдельные звуки. В итоге концерт, при внешней виртуозности исполнения, распался на отдельные куски с разными техническими задачами и целое, к сожалению, не сложилось.

Видно, стабильность стабильности рознь...

Надежда Лобачева,
студентка IV курса

У С Л Ы Ш И М Л И В Н О В Ь ?

Неожиданно узнав о предстоящем концерте одного из своих самых любимых исполнителей *Фредерика Кемпфа*, я стала мечтать, предвкушая удовольствие посетить этот концерт, чего бы мне этого ни стоило. ...И вот я уже в седьмом ряду партера.

Вряд ли найдется музыкант, который не помнит выступление пианиста на уже далеком XI конкурсе им. П.И.Чайковского, где жюри присудило Кемпфу третью премию, а слушатель удостоился самого восторженного приема. Именно тогда этот музыкант совершенно покорила публику своим мастерством и удивительной искренностью исполнения. На третьем туре в концертах Чайковского и Рахманинова слышалась настоящая «русская душа» в самом высоком понимании этого словосочетания (не смотря на то что отец Кемпфа — немец, а мать — японка). И, конечно, он просто завораживал своим искусством «слушать» и «слышать», потрясал изысканностью туше, широтой красочной тембровой палитры. Все с нетерпением ждали каждого следующего посещения им Москвы, когда Большой зал консерватории до отказа заполнялся самой разной публикой, наиболее преданной частью которой были студенты.

К глубокому сожалению, последующие приезды постепенно отразили одну не очень приятную тенденцию: чем дальше от конкурса, тем больше потеря в качестве исполнения. Хо-

тя идеи концертных программ были достаточно смелы (к примеру, все этюды Шопена), присутствуя на этих концертах все больше хотелось вспомнить техническое мастерство и совершенно особое качество звука, которые обнаружились в период конкурса. В реальном звучании каждого нового концерта обна-

руживались все более и более редкие моменты, когда незаурядный талант исполнителя все-таки пробивался через тернии, увы, технического несовершенства, а иногда и небрежности. К сожалению, последний концерт в Доме музыки продолжает эту линию.

Замечательный своей программой вечер был посвящен камерно-инструментальному творчеству Шуберта. Но, к сожалению, по настоящему с удовольствием слушался только заключительный ансамбль — ля-мажорный квинтет «Форель». В его исполнении помимо Кемпфа принимал участие отличный

струнный «квартет»: Гайк Казазян, Александр Акимов, Александр Бузлов и Максим Хлопьев. И зал сразу отреагировал — исполнители заслужили по-настоящему искренние и бурные овации. Жаль, что на бис был повторен лишь финал Квинтета — Г.Казазян объяснил, что в этот вечер музыканты договорились играть только сочинения Шуберта. В ответ из зала донеслось забавное предложение: «Сыграйте каждый сольно!», — при том, что скрипач, альтист и контрабасист в этот вечер на сцену вышли впервые. Удивительно, что и рояль у Кемпфа зазвучал в Квинтете иначе, чем в открывавшем концерт ля-минорном вальсе-капризе Ф.Листа из цикла «Венские вечера: вальсы-капризы по Ф.Шуберту» и начинавшей второе отделение четырехручной фа-минорной фортепианной Фантазии.

Таким образом, «заключительному кадансу» концерта удалось все же поднять слушателям настроение. Однако очень хочется верить, что придет время и мы снова услышим того Фредерика Кемпфа, который — единственный — удостоился абсолютного признания публики, ее настоящей искренней любви, проявившейся в оглушительных овациях и девятикратном (!) вызове его при вручении конкурсного лауреатства... Того Кемпфа, которого до сих пор ждут преданные поклонники его таланта.

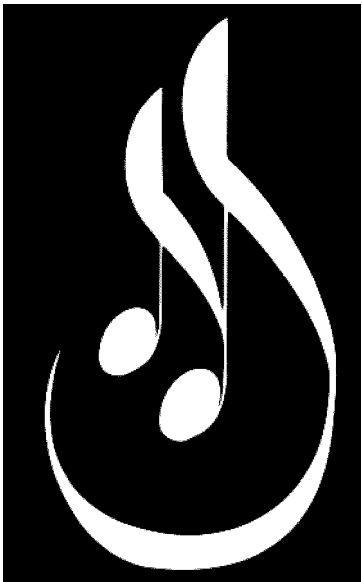
*Александра Савенкова,
студентка IV курса*

К О Н Ц Е Р Т К О Н Ц Е Р Т О В

«Concerto grosso» — так величественно назывался концерт оркестра «Русская филармония» под управлением В.Понькина, прошедший 11 ноября в Большом зале консерватории в рамках фестиваля «Московская осень — 2005».

Пафос оказался не на пустом месте — «Концерт концертов!» Прозвучали три крупные вещи: Concerto grosso №3 (Te Deum) С.Павленко, Сиамский концерт для двух фортепиано В.Екимовского, Chronokinesis для фортепианных, оркестровых и электронных звуков И.Кефалиди. Порадовало, с одной стороны, объединение духовно близких композиторов, с другой — явно разные индивидуальные решения, по сути, одной и той же схемы фортепианного концерта.

Естественно, сразу бросались в глаза внешние отличия. У Павленко — одна пианистка (Маки Секия), у Екимовского — двое (Евгения Немцева и Павел Райкерус), а у Кефалиди — один Кефалиди (в качестве пианиста), но с усилением. Различны и длина произведений, и их форма, и слушательская реакция на них. Но был и, казалось бы, общий внешний признак — громкость. На пятом ряду она подчас превышала обычный уровень поп-концерта. К примеру, японская пианистка не смогла «пробить» такой оркестр — в tutti слышно было только треть-четвертую окта-

вы, хотя «молотила» она изо всех сил... Екимовского «спасло» наличие двух пианистов, которые играли, соответственно, в два раза громче одного (цитируя программку: «Что такое два рояля? — Это один большой рояль из двух роялей»). При этом в антракте он говорил о том, что как раз громкости ему и не хватило.

Но такая сила звука имела и совсем не внешнюю подоснову. Стремление композиторов погрузить своих слушателей в конкретный звуковой мир требует отграничения от остального мира. Кашли, шуршанья и прочие концертные атрибуты здесь были бы неуместны. А единственный способ убрать их из зала (в записи проще...) — увеличить громкость. Что и бы-

ло сделано. Конечно, встречались и тихие фрагменты, но в небольших количествах.

В результате слушателей с головой «окунули» в три разных звуковых мира. И надо признать — миры стоили того. Все было сделано на высочайшем профессиональном уровне. Изысканность и сложность внутренних конструкций отнюдь не мешали ясности и четкости восприятия сочинений. Практически вся публика реагировала на программу благосклонно. Правда, она состояла, в основном, из профессиональных музыкантов — настоящих и будущих.

Конечно, были и неприятные проколы — вроде неслышимой партии фортепиано у Павленко, чересчур жесткого цифрового звука усиленного рояля у Кефалиди (очевидно, из-за колонок). Но в мозгу профессиональных музыкантов это «исправляется» беспроблемно. Публика смогла «не заметить» такие мелочи и по достоинству оценить, может, и не гениальную, но в любом случае качественно сделанную, очень добротную музыку, современную не по времени создания, а по духу.

Поэтому «Concerto grosso» оказался одним из самых ярких событий нынешней Московской осени, одним из наиболее «grosso» по значимости. Название не подвело.

*Владимир Громадин,
студент IV курса*

„ПОД МУЗЫКУ ВИВАЛЬДИ“

Воскресный вечер 13 ноября в Большом зале консерватории прошел под знаком Вивальди: сочинения одного из известнейших метров итальянского искусства прозвучали в исполнении «Вивальди-оркестра» под управлением Светланы Безродной. Благодаря творческому потенциалу Безродной, известной своим умением вновь и вновь пополнять свой репертуар редкими сочинениями, любители классической музыки не услышали избитые «Времена года». Слушатель познакомился со свежими, яркими произведениями композитора, которые, к сожалению, не часто исполняются на концертной эстраде.

Вивальди предстал не только как автор концертного жанра, но и композитор, сочиняющий оперную, симфоническую и духовную музыку. В исполнении «Вивальди-оркестра» прозвучали концерты для струнных и чембало (в том числе Концерт «alla Rustica», или «сельский»), Увертюра к опере «Олимпиада», симфония до-мажор, кантата «Nisi Dominus» (псалом 126). Одним из впечатляющих моментов стало исполнение Аллегро концерта для голоса, гобоя и органа, вызвавшее у публики восторг и исполненной на бис. Контра-тенор Евгений Журавкин увлек слушателя необычайными красками тембра и широтой певческого диапазона.

Не оставил равнодушным слушателя и сам «Вивальди-оркестр», продемонстрировавший виртуозное мастерство и необыкновенное чувство стиля. Резкие контрасты, характе-

ризирующие музыку, находят свое непосредственное выражение в штрихах, динамических оттенках и удачном темповом решении. Музыканты подчинились воле «капельмейстера» и вместе с ним слились в единый живой музыкальный организм.

Однако были моменты, которые вызвали недоумение. Не совсем понятной осталась задумка художественного руководителя использовать на сцене наряду с клавиноом синтезатор. Электронные тембры органа и клавиноа оказались неуместны и «фальшивы» в ансамбле с «живым» звучанием оркестра. Логичнее было бы воспользоваться подлинными инструментами, тем более что оба они присутствовали на сцене! Не абсурдно ли, что сидящая на сцене клавиноистка в промежутках между частями металась от клавиноа к Cong'u? Не имея нужных навыков исполнения барочной музыки, она, видимо, даже не догадывалась о том, что выдержанные длины ноты в партии continuo должны арпеджироваться, украшаться, раскладываться...

Первый концерт филармонического абонемента «Вивальди-оркестра» и Светланы Безродной прошел. Весной музыканты вновь соберут своих поклонников в Большом зале, где прозвучат сцены из опер Чайковского «Евгений Онегин» и «Пиковая дама», а также фрагменты из известных оперетт. Остается надеяться, что на сцене не найдется места... для электрогитары.

*Наталья Гайкович,
студентка IV курса*

МЯСКОВСКИЙ В БОЛЬШОМ ЗАЛЕ

В середине ноября на одной из афиш Большого зала Московской консерватории появилась необыкновенная надпись: «С.Прокофьев. Третий концерт для фортепиано с оркестром. Н.Мясковский. Симфония №6». В тот же вечер в Малом зале был концерт ансамбля Hortus Musicus. Многие профессиональные музыканты в буквальном смысле разрывались между двумя событиями. Однако мой выбор пал на симфонию Мясковского — очень редко звучащее произведение.

Первое отделение, где исполнялся фортепианный концерт (солист — Андрей Диев, дирижер — Владимир Зива) не поразило ни изысканной трактовкой, ни позорной фальшью, которой так много в современной концертной практике. Кульминации были сыграны с блеском (во многом благодаря оркестру), экспозиционные моменты изложены хорошо, но иногда с чрезмерной поспешностью. Не всегда соблюдался звуковой баланс между оркестром и солистом. Однако, это было качественное исполнение, хотя и без особых художественных взле-

тов как со стороны солиста, так и оркестра.

Второе отделение превзошло все ожидания. Симфония, которая является портретом своей эпохи, произведение, которое концентрирует в себе все характерные черты музыкального языка композитора, было сыграно с потрясающей силой воздействия на слушателей. Оркестру и дирижеру удалось раскрыть необыкновенные глубины ее трагической концепции. Во многом этому способствовала прекрасно выстроенная динамика формы — не было ни ощущения поспешности, ни затянутости. Особо выделялось мастерство медной духовой группы, которая в этом произведении имеет очень важное значение и которая ни разу не сыграла «не в ту степь» — как в сольных моментах, так и в tutti.

В России существует две аудиозаписи симфонии: одна из них с хором, другая (как это ни странно) — без него. И то исполнение, которое прозвучало в Большом зале, во многом превзошло известные образцы.

*Екатерина Калинина,
студентка IV курса*